

Е.Л. Яшина

Кофейный цикл

В московском кафе

Прелестна Нелли и умна.
В ней дышит всё чудесной мерой,
Я сам кажусь себе химерой,
Лишь ты игрива и вольна.
Ты, Нелли – бабочка. Ты – лето!
Тобой люблюсь без опаски
И пред тобой снимаю маски:
Любезно знать тебе поэта.
В кафе за столиком – вдвоём,
Плетённых кресел окоём.
Как зыбко всё и безыскусно.
И фрески броски ненароком,
Их мягкий свет горит пред оком,
Я рад ему, и мне – не грустно!

В кафе на Сретенке

Вот нас помчал таксомотор,
Взахлеб разбрызгивая лужи,
На перламутровый простор,
Зажав проулками снаружи.
Бульвар венчая куполами,
Вбок подкатил восточный храм,
В нём свод, расширясь потолками,

Звук возносил и стлал к ногам.
Потом - на Даев и - в кафе.
Мысль обмакнув в пурпур и синь,
Гляжу в тебя... и в этом фишка!
Несут «Фламинго» - все ж на «фэ»,
«Миндальный рай» - куда ни кинь,
С венецианскою афишкой.

Кафе в Консерватории

Ты пьешь горячий шоколад
Из белой чашечки стеклянной
И уплетаешь «Парменад»,
На стол склонившись деревянный.
Сажу напротив и в окне
Чуть увидеть надеюсь камень...
Невольно, тая по весне,
Соединились лёд и пламень.
Ступает мимо сам Башмет;
Твой вид устал и нелюдим,
К плащу прильнули свет и тень,
Я разглядела твой портрет...
Ты мною все еще любим
И чувства прочны, как кремь!

Петербург

Итак, я снова в Петербурге.

Бреду по площади Дворцовой,
Под башмаками – ни окурка,
Кругом – порядок образцовый.
Ну, здравствуй, славный Петербург,
Столица давняя Петра,
Тобой гордился Демиург,
Наслав бодрящие ветра!
На Зимнем – ракурсы скульптур,
Вот – стела, грозная с крестом,
Для впечатлительных натур,
И Ангел, с поднятым перстом.
Склонясь чрез камня парапет,
Игрой любуюсь волн Невы,
На дне глазею на предмет,
Не поднимая головы.
И, словно грёза, - кисть руки
И жест, пришпоривший коня,
Чрез тело мощное реки
Летит, Империю клоня.
Кто б ни был ты, держащий власть,
Тебе неведома свобода,
Лишь необузданная страсть
И поклонение народа!
Не внял потомок назиданью,
Архивы пылью запустив;
В пространство новое сознанья
Он принял свой императив!

«Литературное кафе» в Петербурге

Мне снилась жизнь моя не раз,
Я помнил вещи наперёд,
Их ослепительный черёд
Во мне будил живой экстаз.
Среди ближайших перспектив
Передо мною – персик в сливках,
Жаркое пышное в оливках
И заказной аперитив.
Сажу в кафе, вблизи – пейзаж,
При дверях Пушкин – истукан,
Реальность это иль обман?
Я узнаю тот антураж.
Там – люстры огненный каскад
И этот, справа, иностранец,
Он не такой уж самозванец,
Ему не снится маскарад.
Играет скрипка, слышна речь,
Я сам неведомо откуда,
Официант меняет блюда
И всё куда-то будет течь.
И на короткое мгновенье
Я прикрываю плотно взор,
Оставив крохотный зазор,
И пью глоток благоволенья.
Я обречён лелеять день,
Когда сознания всходит ночь,
И не бежать пытаюсь прочь,

Но догонять, рискуя, тень.

В Петербурге на Троицу

Да будет хроника Акаши
И чудо белое ночи,
Лицо, взволнованное, Маши
И глаз распахнутых лучи!
Рояль старинный и картина:
Взлетает Машина душа
И рук, струящихся, пучина
На редкость в сумрак хороша!
Обои синие в цветах:
Голубо-розовая пена;
И мы плывем в своих мечтах...
А рядом – статуя Шопена.
Как элегично и пластично
Ныряют пальцы в клавикорды.
И как почти что архаично
Звенит поныне такт аккорда.
Как зыбко в зеркале горит
Цветная лампа отражённо,
И дух, слетевший к нам, парит
И в нас дрожит замороженно.
О, Праздник Троицы вдвоём!
Проникла в сердце муза Баха
И нас дарит его огнём,
И мы уже не чуем страха!